Павел Флоренский

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА И РОССИЯ*

М.В. Нестеров. Философы Павел Флоренский и Сергей Булгаков (1917)

Аннотация. *Обсуждается значение Троице-Сергиевой Лавры для России: Лавра – художественный портрет России, Лавра – явление русской идеи, Лавра – духовный родоначальник Московской Руси. Показаны: особая творческая связанность преподобного Сергия с душою русского народа; великое не возникает случайно; троичный храм есть прототип собирания Руси; среди глубокого безразличия, растлившего Русь, открылся духовному взору «свышний мир». Генеральная идея автора: около Лавры выкристаллизовывалась культура русского народа.*

* *Флоренский П.А.,* священник. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Соч. в 4 т. Т. 2. – М., 1996. – С. 352–369.

Ключевые слова: *первообраз; первообразы духа русской культуры; энтелехия; язык древнейшей письменности; богоматеринство; человеческая культура; ноумен; верное видение мира.*

Abstract. *The significance of Trinity – Sergius Lavra for Russia is discussed: Lavra is an artistic portrait of Russia, Lavra is manifestation of Russian idea, Lavra is spiritual ancestor of Moscovia. The existence of specific creative relationship between Saint Sergius and Russian people is demonstrated. It is stated that the Great does not arise by chance and Trinity temple is a prototype of Russia's gathering. It is shown that among deep indifference that corrupted Russia "the heaven world" opened to spiritual look. The general idea of the author is that culture of Russian people is crystallizing near the Lavra.*

Keywords: *prototype; prototypes of spirit of Russian culture; entelechy; the language of ancient scripts; God maternity; human culture; noumenon; true vision of world.*

I

Прекраснейшее место всей земли

Посетивший Троице-Сергиеву Лавру в XVII веке, именно 11-го июля 1655 года, архидиакон антиохийского патриарха Павел Алеппский отзывается о ней с величайшим восхищением как о прекраснейшем месте всей земли. Церковь же Святой Троицы «так прекрасна», «что не хочется уйти из нее». Нам нет нужды заподазривать искренность этого суждения: ведь Павел Алеппский писал не для печати, а исключительно для себя и для своих внуков, и лишь в наше время его впечатления стали общим достоянием.

Среди всего Лавра оказывается на первом месте

Неправильно было бы отвести это свидетельство и ссылкой на восточное красноречие писателя: ведь если арабская фантазия его, а точнее сказать, огнистость восприятия, способна была видеть в окружающем более художественных впечатлений, чем притупленная и сыроватая впечатлительность северян, то одинаковой оценке подвергалось все виденное, и среди всего Лавра оказывается на первом месте, – то, очевидно, она и была таковою. Это свидетельство Павла Алеппского невольно проверяет на себе всякий, кто прожил достаточно времени возле «Дома Пресвятыя Троицы», как выражаются наши летописцы. При туристском обходе Лавры беглому взору впервые развертывается не подавляющее количественно, но действительно изысканное богатство художественных впечатлений от нее. Есть, однако, и гораздо более тонкое очарование Лавры, которое охватывает изо дня в день, при вживании в этот замкнутый мир. И это очарование, теплое, как смутная память детства, уродняет душу Лавре, так что все другие места делаются отныне чужбиной, а это – истинною родиной,

которая зовет к себе своих сынов, лишь только они оказываются где-нибудь на стороне.

Самые богатые впечатления на стороне скоро делаются пустыми, когда потянет в Дом Преподобного Сергия

Да, самые богатые впечатления на стороне скоро делаются тоскливыми и пустыми, когда потянет в Дом Преподобного Сергия. Неотразимость этого очарования – в его глубокой органичности. Тут – не только эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то, трудно объяснимая, но непреклонная мысль: здесь, в Лавре именно, хотя и непонятно как, слагается то, что в высшем смысле должно называться общественным мнением, здесь рождаются приговоры истории, здесь осуществляется всенародный и, вместе, абсолютный суд над всеми сторонами русской жизни. Это то всесторонне жизненное единство Лавры, как микрокосма и микроистории, как своего рода конспекта бытия нашей Родины, дает Лавре характер ноуменальности. Здесь ощутительнее, чем где-либо, пульс русской истории, здесь собрано наиболее нервных, чувствующих и двигательных окончаний, здесь Россия ощущается как целое.

Лавра – художественный портрет России

Подобно тому как художественный портрет бесконечно более плотен, так сказать, нежели фотографический снимок, ибо сгущеннее суммирует в себе многообразие различных впечатлений от лица, которые фотографической пластинкой улавливаются лишь случайно и разрозненно, так и Лавра есть художественный портрет России в ее целом, по сравнению с которым всякое другое место – не более как фотографическая карточка.

Лавра есть явление русской идеи, энтелехия

В этом смысле можно сказать, что Лавра и есть осуществление или явление русской идеи, энтелехия*, скажем с Аристотелем. Вот откуда это неизъяснимое притяжение к Лавре! Ведь только тут, у ноуменального центра России, живешь в столице русской культуры, тогда как все остальное – ее провинция и окраины. Только тут, повторяю, грудь имеет полное духовное дыхание, а желудок чувствует удовлетворенность правильно соразмеренным и доброкачественным культурным питанием. Отходя от этой точки равновесия русской жизни, от этой точки взаимоопоры различных сил русской жизни, начинаешь терять равновесие, и гармоническому развитию личности начинает грозить специализация и техничность. Я почти подхожу к тому слову о

* *Энтелехия* (гр. entelecheia) – в философии Аристотеля – целеустремленность, целенаправленность как движущая сила, активное начало, превращающее возможность в действительность. См.: *Аристотель.* Действительность. Энтелехия // Метафизика. О Душе / Сочинения в 4 т. Т. 1. – М., 1976. – *Ред.*

местности, пронизанной духовной энергией Преподобного Сергия, к тому слову, которому пока еще все никак не удается найти себе выражение. Это слово – античность.

Россия – единственная законная наследница Византии

Вжившийся в это сердце России, единственной законной наследницы Византии, а через посредство ее, но также – и непосредственно – древней Эллады, вжившийся в это сердце, говорю, здесь в Лавре, неутомимо пронизывается мыслью о перекликах, в самых сокровенных недрах культуры, того, что он видит перед собою, с эллинской античностью. Не о внешнем, а потому поверхностно – случайном, подражании античности идет речь, даже не об исторических воздействиях, впрочем, бесспорных и многочисленных, а о самом духе культуры, о том веянии музыки ее, которое уподобить можно сходству родового склада, включительно иногда до мельчайших своеобразностей и до интонации и тембра голоса, которое может быть у членов фамилии и при отсутствии поражающего глаз внешнего сходства.

Лавра – духовный родоначальник Московской Руси

И если вся Русь, в метафизической форме своей, сродна эллинству, то духовный родоначальник Московской Руси воплотил в себе эту эллинскую гармонию совершенной, действительно совершенной, личности с такою степенью художественной проработки линий духовного характера Руси, что сам, в отношении к Лавре, или точнее – всей культурной области, им насквозь пронизанной, есть, возвращаясь к прежнему сравнению, – портрет портрета, чистейшее выражение той духовной сущности, которая сквозит многообразно во всех сторонах Лавры как целого. Если Дом Преподобного Сергия есть лицо России, явленное мастерством высокого искусства, то основатель ее есть первообраз ее, этого образа России, первоявление России, скажем с Гёте или, обращаясь к родной нашей терминологии, лик ее – лик лица ее, ибо под «ликом» мы разумеем чистейшее явление духовной формы, освобожденное от всех наслоений и временны́х оболочек ото всякой шелухи, ото всего полуживого и застящего чистые, проработанные линии ее.

В церковном соборном самосознании Дом Живоначальной Троицы всегда сознается сердцем России

В церковном сознании, не том скудном сознании, которое запечатлено в богословских учебниках, а в соборном, через непрерывное соборование и непрерывное собирание живущем духовном самосознании народа, Дом Живоначальной Троицы всегда сознавался и сознается сердцем России, а строитель этого Дома, Преподобный Сергий Радонежский, – «особым нашего Российского царствия хранителем и помощником», как сказали о нем цари Иоанн и Петр Алексеевичи в 1689 году, особым покровителем, хранителем и вождем русского

народа, может быть, точнее было бы сказать – Ангелом-Хранителем России.

Особая творческая связанность Преподобного Сергия с душою русского народа

Не в сравнительных с другими святыми размерах исторического величия тут дело, а в особой творческой связанности Преподобного Сергия с душою русского народа. Говоря о своем отце как об исключительном для меня человеке, я этим даже не ставлю вопроса о сравнительных его размерах с другими отцами, тем не менее, он мой, он именно, и, вникая в себя, я не могу не сосредоточиться исключительным образом именно на нем. Так, в стремлении познать и понять душу России, мы не можем не собрать своей мысли на этом Ангеле земли Русской Сергии, а ведь народная, церковная мысль об ангелах-хранителях весьма близко подходит к философским понятиям: Платоновской идее, Аристотелевской форме, или, скорее, энтелехии, к позднейшему, хотя и искаженному, понятию идеала, как сверхэмпирической, выше – умной духовной сущности, которую подвигом художественного творчества всей жизни надлежит воплотить, делая тем из жизни культуру.

Чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее

Чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее, признанного святым при жизни, «чюдного старца, святого Сергия», как свидетельствуют о нем его современники.

II

Время Преподобного Сергия совпадает с одной из величайших культурных катастроф

Время Преподобного Сергия, то есть время возникновения Московской Руси, совпадает с одной из величайших культурных катастроф. Я разумею конец Византии, ибо Преподобный Сергий родился приблизительно за полтораста, а умер приблизительно за шестьдесят лет до окончательного падения Константинополя. Но светильник перед угасанием возгорается ярче: так Византийское Средневековье перед падением дает особенно пышный расцвет, как бы предсмертно, с обостренной ясностью, сознавая и повторяя свою идею: XIV век ознаменован так называемым третьим Возрождением Византии при Палеологах. Все духовные силы царства Ромеев тут вновь пробуждаются – и в умозрении, и в поэзии, и в изобразительных искусствах.

Древняя Русь возжигает пламя своей культуры от священного огня Византии

Древняя Русь возжигает пламя своей культуры непосредственно от священного огня Византии, из рук в руки принимая, как свое драгоценнейшее достояние, Прометеев огонь Эллады. В Преподобного Сергия, как в воспринимающее око, собираются в один фокус достижения греческого Средневековья и культуры. Разошедшиеся в

Византии и там раздробившиеся, – что и повело к гибели культуры, – тут, в полножизненном сердце юного народа они снова творчески и жизненно воссоединяются ослепительным явлением единой личности, и из нее, от Преподобного Сергия, многообразные струи культурной влаги текут, как из нового центра объединения, напаивая собой русский народ и получая в нем своеобразное воплощение.

Все линии русской культуры сходятся к Преподобному

Вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу; нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука – все эти линии русской культуры сходятся к Преподобному. В лице его русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, сознав себя, – получил историческое право на самостоятельность.

Куликово поле было подготовлено и вдохновлено у Троицы

Куликово поле, вдохновленное и подготовленное у Троицы, еще за год до самой развязки, было пробуждением Руси, как народа исторического; Преподобным Сергием *incipit historia**. Однако вглядимся, какова форма того объединения всех нитей и проблем культуры, которая была воспринята Преподобным от умирающей Византии. Ведь не мыслить же Преподобного полигистром или политехником, в себе одном совмещающем всю раздробленность расползающейся Византийской культуры. Конечно, нет. Он прикоснулся к наиболее огнистой вершине греческого Средневековья, в которой, как в точке, были собраны все ее огненные лепестки, и от нее возжег свой дух – этою вершиной была религиозно-метафизическая идея Византии, особенно ярко разгоревшаяся вновь во времена Преподобного. Я знаю: для не вникающих в культурно-исторический смысл религиозно-метафизических споров Византии за ними не видится ничего, кроме придворно-клерикальных интриг и богословского педантизма. Напротив, вдумавшемуся в догматические контроверзы рассматриваемого времени бесспорна их неизмеримо важная, общекультурная и философская подоснова, символически завершающаяся в догматических формулах. И споры об этих формулах были отнюдь не школьными словопрениями о бесполезных тонкостях отвлеченной мысли, а глубочайшим анализом самих условий существования культуры, неутомимой и непреклонной борьбой за единство и самое существование культуры, ибо так называе-

* Начало истории (лат.).

мые ереси, рассматриваемые в культурно-историческом разрезе, были, по своей подоснове, попытками подрыть фундаменты античной культуры и, нарушив ее целостность, тем ниспровергнуть сполна.

Богословские догматические споры приводятся к проблеме Троицы и к проблеме воплощения

Богословски все догматические споры, от первого века начиная и до наших дней, приводятся только к двум вопросам: к проблеме Троицы и к проблеме воплощения. Эти две линии вопросов были отстаиванием абсолютности Божественной, с одной стороны, и абсолютной же духовной ценности мира – с другой. Христианство, требуя с равной силой и той и другой, исторически говоря, было разрешением преград между только монотеистическим, трансцендентным миру иудейством и только пантеистичным и имманентным миру язычеством, как первоначалами культуры. Между тем, самое понятие культуры предполагает и ценность воплощаемую, а следовательно, и сущую в себе, неслиянно с жизнью, и воплощаемость ее в жизни, так сказать, пластичность жизни, тоже ценной в своем ожидании ценности, как глины, послушной перстам ваятеля:

...Сама в перстах слагалась глина
В обличья верные моих сынов... –

свидетельствует о творчестве устами Прометея глубинный исследователь художественного творчества.

Если нет абсолютной ценности, то невозможно самое понятие культуры

Итак, если нет абсолютной ценности, то нечего воплощать, невозможно самое понятие культуры; если жизнь, как среда, насквозь чужда божественности, то она неспособна принять в себя, воплотить в себе творческую форму и, следовательно, снова останется она сама по себе, вне культуры, и, следовательно – снова уничтожается понятие культуры.

Нападения на понятие культуры были все время

Нападения на это понятие были все время, то с одной, то с другой стороны – то со стороны одностороннего язычества, то со стороны одностороннего иудейства, и защита культуры, в самих ее основах, всенародным соборным сознанием всегда была борьбой за оба, взаимно необходимые начала культуры. Смотря по характеру нападений, и самая защита схематически чеканилась в лозунгах, имеющих, на вкус случайного обозревателя истории, узкий и схоластический характер догматических формул, но полных соками жизни и величайшей общекультурной значимости, при рассмотрении их в контексте культуры.

Два принципа культуры, взаимно подкрепляемые и взаимно разъясняемые

Два принципа культуры, они же – предельные символы догматики, взаимно подкрепляемые и взаимно разъясняемые, как основа и уток, сплетают ткань русской культуры. Притом, Киевская Русь, как время

первообразования народа, как сплетение самых тканей народности, раскрывается под знаком идеи о божественной Восприимчивости мира, тогда как Руси Московской и Петербургской, как веку оформления народа в государство, маячит преимущественно другая идея, о воплощающемся, превыше – мирном Начале ценности. Женственная восприимчивость жизни в Киевской Руси находит себе догматический и художественный символ Софии-Премудрости, Художницы Небесной. Мужественное оформление жизни в Руси Московско-Петербургской выкристаллизовывается в догматический и художественный символ Пресвятой Троицы. Родоначальники двух основных пластов русской истории – Киевского и Московского, вместе с тем, суть величайшие провозвестники этих двух основных идей русского духа.

III

Киевская Русь, как и Русь Московская и Петербургская, узрели первообразы духа русской культуры

Это они первыми узрели в иных мирах первообразы тех сущностей, которыми определяется дух русской культуры, – вовсе не богословской науки и только, культуры не церковной только, ложно понимая это слово, как синоним «клерикальный», но во всей ширине и глубине ее, церковной – в смысле всенародной, целостной русской культуры, во всех ее, как общих, так и частных, обнаружениях. Да, равноапостольный Кирилл узрел в таинственном сновидении, в видении детского возраста, когда незапятнанная душа всецело определяется явленным ей первообразом горнего мира, узрел Софию, и в его восприятии, Она – Божественная Восприимчивость мира – предстала как прекраснейшая Дева царственного вида. Избрав ее себе в невесты из сонма прочих дев, равноапостольный Кирилл бережно и благоговейно пронес этот символ через всю свою жизнь, сохранив верным свое рыцарство Небесной Деве. Этот символ и сделался первой сущностью младенческой Руси, имевшей воспринять от царственных щедрот Византийской культуры. Первый по времени русский иконографический сюжет – икона Софии, Премудрости Божией, этой царственной, окрыленной и огненноликой, пламенеющей эросом к небу Девы, – исходит от первого родоначальника русской культуры – Кирилла. Нужно думать, что и самая композиция Софийной иконы, исторически столь таинственной, – имею в виду древнейший, так называемый Новгородский тип, – дана Кириллом же. Около этого небесного образа выкристаллизовывается Новгород и Киевская Русь.

Самый язык нашей древнейшей письменности был выкован Кириллом, другом Софии

Не забудем, что самый язык нашей древнейшей письменности, как, вместе с ним, и наша древнейшая литература, пронизанная и формально, и содержательно благороднейшим из языков – эллинским, был выкован, именно выкован, из мягкой массы языка некультурного – Кириллом, другом Софии, ибо прозвание его – Философ, и что около Софийного храма, около древнейших наших Софийных храмов, обращается рыцарственный уклад средневековой Киевской Руси. Но вот, за доверчивым приятием эллинства и за формированием извне женственной восприимчивости русского народа, приходит пора мужественного самосознания и духовного самоопределения, создание государственности, устойчивого быта, проявление всего своего активного творчества в искусстве и науке, и развитие хозяйства и быта. Новое видение горнего первообраза дается русскому народу в лице его второго родоначальника – Преподобного Сергия, и опять небесный зрак выкристаллизовывается в его душе с детского, на этот раз еще более раннего, а по сказанию жития – даже утробного возраста.

Младенец Варфоломей приветствовал троекратно Пресвятую Троицу

Нам нет надобности опровергать или защищать сказание жития о том, как младенец Варфоломей приветствовал троекратно Пресвятую Троицу, ибо важно народное сознание, желающее этим сказать: «Вот как глубоко определился дух Преподобного горним первообразом, еще в утробе материнской весь ему преданный и весь им проработанный». Этим первообразом была абсолютность Пресвятой Троицы, приблизительно в это время, во время Преподобного Сергия предельно довыясненная и досказанная в так называемых паламитских спорах и в вопросах об «общей благодати Пресвятой Троицы» церковной мыслью Византии. Эти вопросы глубоко занимали и Преподобного Сергия – для осведомленности в них он посылал в Константинополь своего доверенного представителя. Выговорив это свое последнее слово, Византия завершила свою историческую задачу, и ей делать было больше нечего. В истории открылся новый век – век культурного воплощения этого слова, и культурная миссия переходила к новому народу, уже усвоившему добродетель восприимчивости, а потому и способность воплощать в себе горний первообраз. Византийская держава выродилась в «грекосов», а из русских болот возникало Русское государство. Символом новой культурной задачи было видение Троицы.

IV

Храм Пресвятой Троицы, построенный Преподобным Сергием в Лавре, есть первая в мире церковь во имя Пресвятой Троицы

Нередко говорится, что деревянный храм Пресвятой Троицы, построенный Преподобным Сергием в Лавре и затем вновь возведенный из белого камня Преподобным Никоном, есть первая по времени в мире церковь во имя Пресвятой Троицы. Сейчас трудно отстаивать внешне – фактическую точность этого первенства: древние историки упоминают до четырех храмов во имя Пресвятой Троицы на Востоке и два – на Западе в IV–IX веках; но если бы эти свидетельства и были достоверными, то все же такое храмоздательство не вошло в обиход, и даже названные церкви не удержали долго своего имени, так что впоследствии Восток не имел Троицких храмов. В наших летописях уже в XII, XIII и XIV веках упоминаются храмы Троичные; так, в Кракове, в Лысце, несколько в Новгороде Великом, в Холме, в Серпухове, в Наозерье и, главное, соборный в Пскове. Точно ли позднейшая редакция летописных известий соответствует древним записям, или же названные храмы, первоначально все деревянные и горевшие, были лишь впоследствии переименованы в Троицкие и названы в летописях, в более древних известиях, этим именем только ретроспективно, сказать трудно.

В XIV веке идея Троицы стала предметом особого внимания

Но, бесспорно, во-первых, существовавшее в древности переименование храмов (так, например, Лаврский храм Святого Духа был первоначально во имя Троицы), во-вторых, варианты в летописных известиях (например, Троицкий раковский называется и Богородичным) и, наконец, в порядке раскрытия богословско-философского сознания, – сравнительно поздняя, в XIV веке лишь, установка симметричной Троичной формулы, каковая именно в XIV веке, в Восточной Церкви, делает идею Троицы предметом особенного внимания и ведет потому к строительству Троичных храмов, развитию Троичной иконографии, созданию цикла Троичных празднеств и новой литургической поэзии. Поэтому весьма маловероятно построение храмов Троичных до этого роста Троичной идеи в XIV веке; но если бы несколько таких храмов и в самом деле было в века предшествующие, то они не могли быть сознательно воздвигнутыми символами идеи, еще не оформившейся и, следовательно, должны быть рассматриваемы либо как исторические случайности, не входящие в планомерное течение истории, либо – как смутные предчувствия того целостного явления, которое раскрывается лишь с XIV века.

Великое не возникает случайно: оно разрешало собою творческое томление всего народа

Великое не возникает случайно и не бывает капризной вспышкой: оно есть слово, к которому сходятся бесчисленные нити, давно намечавшиеся в истории. Великое есть синтез того, что по частям фосфорически мерцало во всем народе; оно не было бы великим, если бы не разрешало собою творческое томление всего народа. Но, тем не менее, это оно именно творчески синтезирует смутные волнения, изливая их в одно слово. Таковым было слово Преподобного Сергия, выразившего самую суть исканий и стремлений русского народа, и это слово, хотя бы и произносимое ранее, сознательно и полновесно было, однако, произнесено впервые им. В этом смысле неоспоримо мировое первенство Лаврского собора Пресвятой Троицы. Начало западноевропейской самостоятельности в Петербургский период России опять ознаменовано построением Троицкого собора. Этим Петр Великий установил духовную связанность Санкт-Петербурга и Москвы. Таким же построением было ознаменовано в свое время начало самостоятельности России на Востоке. Чтитель Пресвятой Троицы, Преподобный Сергий строит Троичный храм, видя в нем призыв к единству земли Русской, во имя высшей реальности. Строит храм Пресвятой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него, – по выражению жизнеописателя Преподобного Сергия, – побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира».

Троица Живоначальная: исток и родник жизни

Троица называется Живоначальной, то есть началом, истоком и родником жизни, как единосущная и нераздельная, ибо единство в любви есть жизнь и начало жизни, вражда же, раздоры и разделения разрушают, губят и приводят к смерти. Смертоносной раздельности противостоит живоначальное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания.

По замыслу основателя, Троичный храм есть прототип собирания Руси

По творческому замыслу основателя, Троичный храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип собирания Руси в духовном единстве, в братской любви. Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни. Широкое гостеприимство, заповеданное Преподобным Сергием и возведенное в силу закона царем Алексеем Михайловичем, дары всех родов, начиная от хлеба и кончая исцелением тел и душ, причем не забыты даже утешения детям – игрушки, самим Преподобным изготовляемые, все это вместе, по замыслу прозорливого открывателя Троичного культурного идеала России, должно было стать благо-

приятным условием для «взирания» на храм Пресвятой Троицы и созерцания в нем Первообраза Божественного единства. Отныне Троичное храмоздательство связывается с именем Преподобного Сергия, и не без причины Троичные храмы имели обычно Сергиевские приделы.

В храме Пресвятой Троицы должна была стоять храмовая икона Пресвятой Троицы

Но если храм был посвящен Пресвятой Троице, то должна была стоять в нем и храмовая икона Пресвятой Троицы, выражающая духовную суть самого храма – так сказать, осуществленное в красках имя храма. Трудно при этом представить, чтобы ученик ученика Преподобного Сергия, так сказать, духовный внук его, почти ему современный, работавший уже при его жизни и, вероятно, лично знавший его, осмелился бы заменить композицию Троичной иконы, бывшую при Преподобном и им утвержденную, самочинной композицией того же Первообраза. Миниатюры Епифаниева жития представляют икону Троицы в келии Преподобного Сергия не с самого начала, а лишь с середины жизни, то есть свидетельствуют о возникновении ее именно среди деятельности Преподобного. Если первоявленная Софийная икона, не известная Византии, впервые создается в Киевской Руси, с самым ее возникновением, восходя к виде́нию младенца Кирилла, рыцаря Софии, то икона Троичная, дотоле не известная миру, появляется впервые в Московский период Руси опять-таки в самом его начале и художественно воплощает духовное созерцание служителя Пресвятой Троицы – Сергия.

В веках известны изображения трех странников

Мы сказали: «не известная миру», но и тут, как и в утверждении о Троицком соборе, требуется различение духовного смысла, как символического содержания, и тех исторически выработанных материалов, которые привлечены к воплощению символа. Если в отношении к знаменитой рублевской Троице мы говорим о последних, то тогда, конечно, ее должно рассматривать лицо как звено в цепи развития изобразительных искусств вообще и композиции трех Странников-Ангелов в частности. История этой композиции очень длинна, ибо уже в 314 году, у дуба Мамврийского, по известию Юлия Африкана, была картина, изображавшая явление трех странников Аврааму, а в V и в VI веках известны подобные же изображения на стенах Римской церкви Марии Маджиоре и в равеннской св. Виталия. С тех пор этот иконографический сюжет встречается не раз; но нужно вникнуть в духовный смысл этих изображений, прежде чем устанавливать их связь с Троицей Рублева.

Богоматеринство

Изображение женщины с ребенком на руках вовсе не есть первообраз Сикстины, ибо в Сикстине творче-

ским мы признаем вовсе не сюжет материнства, каковой доступен всякому, а именно Богоматеринство, открывшееся Рафаэлю.

Нас поражает и почти ожигает в произведении Рублева сдернутая завеса ноуменального мира

Так точно, три фигуры за обеденным столом, хотя бы даже и снабженные крыльями, просто не могут быть даже сопоставляемы с Троицей Рублева, ибо этим сюжетом творческое названной иконы еще нисколько не определяется. Композиция трех странников с предстоящим Авраамом или позже, без него, есть не более как эпизод из жития Авраама, хотя бы даже, условно-аллегорически, принято было усматривать в ней намек на Пресвятую Троицу. Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число «три», не чаша за столом и не крылья, а внезапно сдернутая пред нами завеса ноуменального мира*, и нам, в порядке эстетическом, важно не то, какими средствами достиг иконописец этой обнаженности ноуменального и были ли в чьих-либо других руках те же краски и те же приемы, а то, что он воистину передал нам узренное им откровение.

Среди глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору «свышний мир»

Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свышний мир» горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольнем, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струящийся широким потоком прямо в душу созерцающего от Троицы Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь – более небесную, чем само земное небо, да, эту воистину пренебесную лазурь, несказанную мечту протосковавшего с ней Лермонтова, эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг пред другом покорность – мы считаем творческим содержанием Троицы.

Человеческая культура – все мало и ничтожно перед этим общением неиссякаемой бесконечной любви

Человеческая культура, представленная палатами, мир жизни – деревом и земля – скалою, – все мало и ничтожно пред этим общением неиссякаемой бесконечной любви; все – лишь около нее и для нее, ибо она – своей голубизной, музыкой своей красоты, своим пре-

* *Ноу́мен* (гр. Noumenon) – в философии И. Канта – непознаваемая вещь в себе. См.: *Кант И.* Критика способности суждения. 1790 // Сочинения: в 8 т. Т. 5. – М., 1994. – С. 93, 277. – *Ред.*

быванием выше пола, выше возраста, выше всех земных определений и разделений, есть само небо, есть сама безусловная реальность, есть то истинно лучшее, что выше всего сущего.

Андрей Рублев воплотил твердое и непоколебимо верное видение мира

Андрей Рублев воплотил столь же непостижимое, сколь и кристально твердое и непоколебимо верное видение мира. Но чтобы увидеть этот мир, чтобы вобрать в свою душу и в свою кисть это прохладное, живительное веяние духа, нужно было иметь художнику пред собой небесный первообраз, а вокруг себя – земное отображение, – быть в среде духовной, в среде умиренной. Андрей Рублев питался как художник тем, что дано ему было.

Родоначальник земли Русской – Сергий Радонежский должен быть почитаем за истинного творца величайшего произведения

И потому не Преподобный Андрей Рублев, духовный внук Преподобного Сергия, а сам родоначальник земли Русской – Сергий Радонежский должен быть почитаем за истинного творца величайшего из произведений не только русской, но и, конечно, всемирной кисти. В иконе Троицы Андрей Рублев был не самостоятельным творцом, а лишь гениальным осуществителем творческого замысла и основной композиции, данных Преподобным Сергием. Это – второй символ русского духа; под знаком его развертывается дальнейшая русская история, и достойно внимания, хотя иного и ждать было нельзя, что величайший литургический сдвиг, в котором, своим чередом, выразились русская идея и своеобразные черты русского духа, опять-таки связывается с именем Преподобного Сергия. Я говорю о Троичном дне, как литургическом творчестве именно русской культуры, и даже определеннее, – творчестве Преподобного Сергия. Напомним, что Византия не знала этого праздника, как не знала она, в сущности, ни Троичных храмов, ни Троичных икон.

Последнее слово Византии стало входом первых творческих сил русской культуры

Последнее слово Византии, в области догматической, стало неточным входом первых творческих сил русской культуры. Праздник Пятидесятницы, бывший на месте нынешнего Троичного дня, был праздником исторического, а не открыто онтологического значения. С XIV века на Руси он выявляет свою онтологическую суть, делаясь праздником Пресвятой Троицы, причем третья молитва на вечерне, обращенная ко Христу, соединяется теперь с новою молитвой – к Духу Святому, впоследствии отмененной, согласно Византийскому образцу, реакционной, и вообще антинациональной, деятельностью Патриарха Никона. Почитание же Духа Утешителя, Надежды Божественной, как духовного начала женственности, сплетается

с циклом представлений Софийных и переносится на последующий за Троицею день – День Духа Святого, в каковой, по проникновенной догадке нашего народа, «Земля-именинница», то есть празднует своего Ангела, свою духовную Сущность – Радость, Красоту, Вечную Женственность.

Праздник Троицы появляется в качестве местного храмового праздника

Праздник Троицы, нужно полагать, впервые появляется в качестве местного храмового праздника Троицкого собора – как чествование «Троицы» Андрея Рублева. Подобно тому, как служба Иерусалимского храма Воскресения, в мире, по самому месту своего совершения, единственная, – делается образом и образцом службы Воскресеной, повсюдно совершаемой, и вводится затем в Устав, или подобно тому, как празднество Воздвижения Креста Господня, опять-таки первоначально единственное, по самому предмету празднования, по единственности Животворящего Креста, уставно распространяется, в качестве образца (аналогичных примеров перехода единичного литургического явления в Устав можно привести и еще немало), так точно местное празднование единственной иконы единственного храма, будучи духовною сущностью всего русского народа, бесчисленными отражениями воспроизводится в бесчисленных Троицких храмах, с бесчисленными иконами Троицы.

Первообраз Пресвятой Троицы

Предмет, отраженный тысячью зеркал, среди тысячи своих отражений, все же остается основою реальности всех их и реальным их центром. Так, первое воплощение духовного первообраза, определившего суть России, – первообраз Пресвятой Троицы, как культурной идеи, несмотря на дальнейшее размножение свое, все же остается историческим, художественным и метафизическим уником, не сравнимым ни с какими своими копиями и перекопиями. Прекраснейшее из зданий русской архитектуры, собор Троицкий, «из которого не хочется уходить», по вышеупомянутому признанию Павла Алеппского, и прекраснейшее из изображений русской иконописи рублевская «Троица», как и прекраснейшее из музыкальных воплощений, несущее великие возможности музыки будущего, служба вообще и Троицына дня в частности, значительны вовсе не только как красивое творчество, но своей глубочайшей художественной правдивостью, то есть полным тождеством покрывающих друг друга первообраза русского духа и творческого его воплощения.

V

В Лавре мы чувствуем себя дома более, чем в своем собственном доме

Так вот почему именно здесь, в Лавре, мы чувствуем себя дома более, чем в своем собственном доме. Ведь она и в самом деле воплотила в себе священнейшие воздыхания наших собственных глубин, но с таким совершенством и полнотой, с какими мы сами никогда не сумели бы их воплотить. Лавра – это мы, более чем мы сами, это мы – в наиболее родных и наиболее сокровенных недрах нашего собственного бытия. Вот почему мы несли и несем сюда не только задушевнейший трепет нашего сердца, но и все наше творчество, во всем его объеме, все наши культурные достижения и ценности: мы чувствуем в них какую-то неполноту, покуда не соотнесли их с *сердцем* русской культуры.

Около Лавры выкристаллизовывается культурное строительство русского народа

Около Лавры, не в смысле стен, конечно, а в смысле средоточия культурной жизни, выкристаллизовывается культурное строительство русского народа. Праздник Троицы делается точкою приложения творчества бытового и своеобразных поверий, народных песен и обрядов. Красота народного быта обрастает вокруг этого Троицына дня и частью, как, например, наши Троицкие березки, вливается в самое храмовое действо, так что нет определенной границы между строгим уставом церковным и зыблющимся народным обычаем. Русская иконопись нить своего предания ведет к иконописной Лаврской школе. Русская архитектура на протяжении всех веков делает сюда, в Лавру, лучшие свои вклады, так что Лавра – подлинный исторический музей русской архитектуры. Русская книга, русская литература, вообще русское просвещение, основное свое питание получали всегда от просветительной деятельности, сгущавшейся в Лавре и около Лавры.

Странствия Преподобного Сергия разносили с собою русское просвещение

Самые странствования Преподобного Сергия, а дальше бесчисленные поколения русских святых, бывших его именно духовными детьми, внуками, правнуками и так далее, до наших дней включительно, разносили с собою русское просвещение, русскую культуру, русскую хозяйственность, русскую государственность, а точнее сказать, русскую идею, в ее целом, все стороны жизни нашей собой определяющую.

В древней записи о кончине Преподобного он назван «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси». И действительно, не менее четверти русских монастырей основано прямыми его учениками, колонизировавшими Северную и Северо-Восточную Россию, до пределов Пермских и Вологодских включи-

тельно. Но бесчисленны отраженные и тысячекратно преломленные лучи нашего Солнца! Что не озарено его Светом?

Идея Пресвятой Троицы для Преподобного Сергия была заповедью общежития

Идея Пресвятой Троицы для Преподобного Сергия была, в порядке общественного строительства, заповедью общежития. «Там не говорят: это мое, это – твое: оттуда изгнаны слова сии, служащие причиною бесчисленного множества распрей», – писал в свое время св. Иоанн Златоуст о современных ему общежительных монастырях. Общежительство знаменует всегда духовный подъем: таковым было начало христианства, Начало Киевской Руси также было ознаменовано введением общежития, центр какового возникает в Киево-Печерской Лавре вскоре после крещения Руси; и начало Руси Московской, опять-таки приобщившейся к новому духовному созерцанию, отмечено введением в центре Руси Московской общежития, по совету и с благословения умирающей Византии.

Идея общения всегда близка русской душе

Идея общежития как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве, назовется ли она по-гречески *киновией* или по-латыни – *коммунизмом**, всегда столь близкая русской душе и сияющая в ней, как вожделеннейшая заповедь жизни, – была водружена и воплощена в Троице-Сергиевой Лавре Преподобным Сергием и распространялась отсюда, от Дома Троицы, как центра колонизации и территориальной, и хозяйственной, и художественной, и просветительной, и, наконец, моральной. Из всех этих сторон культурного излучения Лавры следует остановиться, сейчас в особенности, на сравнительно мало учитываемом ее просветительном воздействии на Русь.

Просветительное воздействие Лавры на Русь

Уже Преподобный Сергий требовал от братии, наряду с телесными трудами, в которых сам первенствовал, неустанного чтения, а для чтения необходимо было завести и мастерские переписчиков; так Сергиева Лавра, от самого основания своего, делается очагом обширной литературной деятельности, частичным памятником которой доныне живет в монастыре его драгоценное собрание рукописей, в значительной доле здесь же написанных и изукрашенных изящными миниатюрами, а живым продолжением той же деятельности было не прерывавшееся доныне огромное

* *Коммунизм* (лат. communia) – бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства и полным социальным равенством всех членов общества.

издательское дело Лавры, учесть культурную силу которого было бы даже затруднительно по его значительности.

Место высших просветительных взаимосоприкосновений русского общества

А с другой стороны, Лавра всегда была и местом высших просветительных взаимосоприкосновений русского общества; просветительные кружки, эти фокусы идейных возбуждений, все пять веков были связаны тесными узами с Лаврой и все пять веков тут именно, у раки Преподобного, искали они духовной опоры и верховного одобрения своей деятельности. От кого именно? Не тех или иных насельников монастыря, входящих и входивших в состав Лавры, как его служители и охранители, а у всего народа русского, через Лавру говорящего, искали одобрения от Лавры, как единого культурного целого, центр которого – в Троицком соборе, а периферия – далеко с избытком покрывает границы России.

Старейшая Высшая Школа России – Московская Духовная Академия

Московская Духовная Академия, питомица Лавры, из лаврского просветительного и ученого кружка Максима Грека вышедшая, и в своем пятисотлетнем бытии, при всех своих скитаниях, неизменно блюдшая крепость уз с Домом Живоначальной Троицы, не без глубокого смысла, после четырехсотлетней своей истории нашла себе наконец место успокоения в родном своем гнезде и вот уже более ста лет пребывает здесь, с рукописными и книжными своими сокровищами. Эта старейшая Высшая Школа России духовно была и должна быть, конечно, отнюдь не самостоятельным учреждением, а лишь одною из сторон жизни Лавры. Так точно нельзя рассматривать обособленно и те кустарные промыслы, которые испокон веков сгрудились вокруг Лавры и во второй половине XIX века выкристаллизовали из себя более чистое свое выражение – художественно-кустарную мастерскую Абрамцева, в свой черед ставшую образцом художественно-кустарных мастерских прочих наших губерний.

Не без вдохновлений от Лавры возникло и жило Абрамцево

Кстати сказать, не без вдохновлений от Лавры и не без ее организующей мощи возникло и жило само Абрамцево, взрастившее новое русское искусство и столь много значившее в экономическом строе современной России: вспомним хотя бы Северную и Донецкую железные дороги. Но разве можно исчерпать все то, чем высказывала и высказывает себя культурная зиждительность, исходящая от Лавры? Рискуя или распространиться на целую книгу, или же – дать сухой перечень, не будем продолжать далее и на сказанном остановимся.

VI

Лавра собою объединяет все стороны русской жизни

Подвожу итоги. Лавра собою объединяет в жизненном единстве все стороны русской жизни. Мы видим тут великолепный подбор икон всех веков и изводов; как же можно представить себе Лавру без школы иконописи и без иконописных мастерских? Лавра – показательный музей архитектуры; естественно организовать здесь школу архитектурную, а может быть, и рассадник архитектурных проектов, своего рода строительную мастерскую на всю Россию. В Лавре сосредоточены превосходнейшие образцы шитья – этого своеобразного, пока почти не оцененного изобразительного искусства, достижения которого недоступны и лучшей живописи; как необходимо учредить здесь, на месте, общество, которое изучало бы памятники этого искусства, издавало бы атласы фотографически увеличенных швов и воспроизведения памятников, которое распространяло бы искусство вышивки и устроило соответствующую школу и мастерские. Превосходнейшие образцы дела ювелирного в Лавре наводят на мысль о необходимости устроить здесь учреждение, пекущееся об этом деле.

Отдельная ценность – певческая школа

Нужно ли говорить, как необходима здесь певческая школа, изучающая русскую народную музыку, с ее, по терминологии Адлера, «гетерофонией»* или «народным многоголосием», – это зерно прорастающей музыки будущего, идущей на смену гомофонии Средневековья и полифонии Нового времени и их в себе примиряющей? Нужно ли напоминать об исключительно благоприятном изучении здесь, в волнах народных, набегающих от всех пределов России, задач этнографических и антропологических? Но довольно.

Неисчислимость всех культурных возможностей Лавры

Сейчас не исчислить всех культурных возможностей, столь естественных около Лавры, нельзя и предвидеть те новые дисциплины науки, сферы творчества и плоскости культуры, которые могут возникнуть и, наверное, возникнут с совершившимся переломом мировой истории – от уединенного рассудка ко всенародному разуму.

Лавра в будущем – живой музей России

Скажу короче: мне представляется Лавра, в будущем, русскими Афинами, живым музеем России, в котором кипит изучение и творчество и где, в мирном сотруд-

---

* *Гетеро…* (от греч. heteros – другой) – составная часть сложных слов, обозначающая «иной», «другой»; гетерофония (гетеро… + греч. phónē – звук) – музыкальный вид многоголосья, совместное исполнение мелодии с отклонением от унисона в одном или нескольких голосах.

ничестве и благожелательном соперничестве учреждений и лиц, совместно осуществляются те высокие предназначения – дать целостную культуру, воссоздать целостный дух античности, явить новую Элладу, – которые ждут творческого подвига от Русского народа. Не о монахах, обслуживающих Лавру и, безусловно, необходимых, как пятивековые стражи ее, единственные сильные стражи, не о них говорю я, а о всенародном творчестве, сгущающемся около Лавры и возжигающемся культурною ее насыщенностью. Средоточием же этой всенародной Академии культуры мне представляется поставленное до конца тщательно, с использованием всех достижений русского высокостильного искусства, храмовое действо у священной гробницы Основоположника, Строителя и Ангела России.